

Инеcса Фэй

Игры без правил

Женская ироническая
проза

Инесса Фэй

**Игры без правил. Женская
ироническая проза**

«Издательские решения»

Фэй И.

Игры без правил. Женская ироническая проза / И. Фэй —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834000-0

— Я любил тебя. И я буду любить тебя, пока ты не умрешь. Судя по всему, тебе недолго осталось. И даже когда ты умрешь, я буду любить твою память. Но, черт возьми, никогда не проси меня изменить мою природу! Другого любят таким, каков он есть, в этом — любовь, а все остальное — корысть, кому, как не тебе, это знать! То, чего ты хочешь, — против всех правил. — Но ведь любовь — это и есть игра без правил. Кому, как не тебе, это знать, дорогой...

ISBN 978-5-44-834000-0

© Фэй И.

© Издательские решения

Содержание

Мне со свекровями всегда везло...	6
Женская дружба	8
Ангел «Си»	13
Брачный контракт	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Игры без правил
Женская ироническая проза
Инеcса Фэй

© Инеcса Фэй, 2016

ISBN 978-5-4483-4000-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мне со свекровями всегда везло...

У большинства женщин со словом «свекровь» связан ряд ассоциаций весьма печального свойства «любовь со свекровью – до первой крови», «свекровь сворачивает кровь» и так далее... Я, наверное, ненормальная – мне со свекровями всегда везло – они меня любили. А я их.

Когда повезло в первый раз, мне было восемнадцать, и я имела смутные представления о том, какими должны быть отношения со свекровью. Людмилу Марковну этот вопрос тоже особо не волновал. За пять лет нашего сосуществования на одной жилплощади, мы встречались неоднократно. По большей части – в дверях. Мы всегда мило улыбались друг другу и говорили о погоде. Делить нам было нечего. Кухней мы пользовались редко и не по назначению. Я занимала ее обычно по ночам – готовилась к сессиям в перерывах между вечерними и утренними кормлениями. А Людмила Марковна спасала там человечество. Сначала со Свидетелями Иеговы, потом – с маркетологами из «Герболайфа», позднее – с кем-то еще. Я благодарна ей за все эти годы, прожитые вместе. Особенно за то, что она не «спасла» меня. Иначе, пришлось бы нам на пару пускать пузыри в клинике Кашенко. В настоящее время Людмила Марковна отдыхает там от трудов.

Со второй свекровью Генриеттой Петровной – мне повезло снова. Мы полюбили друг друга страстно и деятельно. Она работала в школе. Зарплату имела смешную, а коммунистическую закваску – серьезную. «Деньги в жизни – не главное», – говорила она. Я не спорила, но, слава богу, к тому времени уже начала хорошо зарабатывать. И стала делать ей дорогие подарки. Генриетта Петровна принимала их как личное оскорбление – быстро прятала в шкаф, не распаковывая. Она же, в свою очередь, каждый день через весь город отводила моего сына от первого брака в музыкальную школу. Сын орал и сопротивлялся. И чем больше он орал, тем яростнее она его туда отводила. Двадцать пять лет педагогического стажа – это не шутка.

Как филолог филолога, мне хотелось порадовать ее своей любовью к чтению. Но не тут-то было.

– Ты думаешь, мне никогда не хотелось полежать на диване с книжечкой?

– И что же Вам мешало? – участливо спросила я, но ответа на этот вопрос я так и не узнала. Генриетта Петровна замкнулась в себе с чувством оскорбленной добродетели. Страницы многочисленных книг ее весьма приличной библиотеки всегда оставались неразрешенными.

Но однажды и эта любовь закончилась. Раз и навсегда. В один прекрасный день моя свекровь сказала сакраментальную фразу:

– А ты подумала, как я буду воспитывать твоего ребенка, если ты умрешь?

– Вы знаете, Генриетта Петровна, я всегда считала, что Вы умрете раньше, – честно ответила я, и этот этап в моей жизни раз и навсегда закончился. Я до сих пор не могу понять с кем я, собственно, развелась: с ней или с ее сыном.

Третью мою свекровь звали «тетя Дуся». С самого начала она произвела на меня впечатление простого и открытого человека. И все у нас сразу все пошло просто и по-домашнему. Деньги зарабатываю я, домом занимается – она. От первого же обеда «по-домашнему», меня, пардон, вырвало раз пять. До этого дня я понятия не имела, что комбинжир – это пищевой продукт, а не смазочное средство. Но теперь я узнала это, и еще много чего нового. Например то, что даже египетский хлопок – самое прочное постельное полотно может разлезться на куски после первой же стирки. Через некоторое время я стала замечать, что от моего нижнего белья подозрительно пахнет кошачьей мочой. «Я его в кресло кинула: все сушилки были заняты», – объяснила тетя Дуся. Это недешевое французское белье я сразу выбросила. Но тети Дусин сын после этого стал как-то утрачивать ко мне сексуальный интерес. Однажды я нашла

в нашей с мужем спальне рассыпанные иголки. Я никогда в жизни не шила, и никого не просила шить. Объяснений по этому поводу я так и не добилаь, но с мужем мы стали скандалить чаще и по полной программе. Позже я стала замечать, что после всех домашних трапез, меня слегка подташнивает. «Ты, поди, беременна», – говорила свекровь, но я подозревала, что она подсыпает мне в суп тараканьей отравы.

С третьим мужем мы давно уже не живем, но о тете Дусе я тоже вспоминаю с благодарностью. Она легко могла меня отравить. Причем, вполне легитимным способом. Но почему-то этого не сделала. Наверное, из-за любви. Мне с этим всегда везло. Все мои свекрови меня любили. И, похоже, от этой святой материнской любви мне никуда не уйти.

Мой новый избранник – Поль живет в Париже. Приезжает почти каждый месяц, звонит каждый день. А вот писем писать не любит. Зато часто пишет его мама – Франсуаза. Она лучше знает русский. Недавно прислала открытку по электронной почте: две змеи сплелись в танце, а вокруг – сердечки. И подпись: «Поговорим о странностях любви...». Поговорить я не против. Отчего не поговорить... Но вот чем эта материнская любовь обернется на этот раз? Признаться, по-французски свекрови меня еще не любили. Но, может быть, и вправду – повезет.

Женская дружба

– Собирай свои шмотки, Катерина, завтра мы отсюда уезжаем, – Ольга всегда быстро принимала решения. Поначалу она долго делала вид, что это ее не касается, а потом все брала в свои руки. В настоящий момент она брала в свои руки меня вместе с моей инфантильностью и дефектами в воспитании

Три года моего мучительного замужества были перечеркнуты сегодня за чашкой чая в армянской кофейне. Я ела пирожное и плакала. К соседнему столику подошла старуха – цыганка, она клянчила деньги у посетителей. Неожиданно она поскользнулась на кафельном полу и распласталась в нелепой позе. Мне казалось, что я каким-то странным образом виновата в ее падении. В тот момент я пребывала в полной растерянности и плохо отличала реальность от своих кошмарных снов. По мнению окружающих, Сергей был идеальным мужем: он обеспечивал мне комфортное существование, был верен и чисто плотен до нетерпимости. Сейчас его раздражало во мне абсолютно все. Особенно то, что поначалу безумно нравилось: непосредственность, легкость, умение находить общий язык со всем, что меня окружает. Непрерывное психологическое давление, ревность, чаще всего – беспочвенная, загнали меня в тупик. С тех пор как приехала моя подруга, я то беспричинно плакала, то смеялась без повода.

Ольга работала менеджером в крупной оптовой фирме. Она была в командировке в Москве и в маленький южный городок приехала на пару дней навестить меня.

– Почему ты не отвечала на мои письма? – спросила я, и звук падающей чайной ложечки заставил меня вздрогнуть.

– Что я могла тебе ответить? Я чувствовала, что тебе плохо, но не думала, что настолько. Тебе надо немедленно от него уходить.

– У меня нет на это особых причин.

– Какие тебе нужны причины? Посмотри на себя, ты – потенциальный клиент для психушки.

– А как же официальный развод?

– «Потеряешь» паспорт, потом получишь новый, без печати.

– Оля, как я буду жить? На что?

– Первое время поживешь у меня, потом снимешь квартиру и уйдешь. Не надейся, что я буду терпеть тебя всю оставшуюся жизнь.

Мой муж отвозил нас в аэропорт. Его глаза казались темнее в серебристом свете ночных фонарей. Он стоял совсем один в пустом зале. Боль, отчаянье, ненависть смешались в этом прощальном взгляде. Он все смотрел мне в лицо и не сказал ни слова. Мой рот сложился в улыбку, я поцеловала кончики своих пальцев и помахала ему рукой. Его бледное, раненое, униженное лицо осталось за турникетом. Еще так недавно это лицо заслоняло мне целый мир. Лицо моего защитника и мучителя. Я билась в истерике на груди у своей лучшей подруги, а самолет уносил нас в Москву.

– Неделю поживешь со мной в Москве, мне нужно уладить свои дела, – Ольга подцепила вилкой немецкую колбаску. Мы летели бизнес-классом, выложенные стюардессы разносили спиртное. Я непрерывно плакала и пила. Ольга сказала, что красное сухое вино выводит шлаки из организма. Шлаки так выводились так интенсивно, что мой организм разбалансировался, и подруге пришлось доставлять в аэропорт безжизненное тело. Я начала приходить в себя, когда самолет опустился на священную землю столицы. Трамвайчик вез нас к зданию аэропорта. Хорошо одетый мужчина склонился к Ольге и зачем-то пытался всучить ей свой использованный билет на самолет. Ольга слабо отбивалась, он сильно жестикулировал. Я оценивала происходящее по законам сновидческой логики и интуитивно понимала, что эта сцена

имеет какое-то отношение ко мне, но в разговор не вступала – мне было лень. Моя подруга разговаривала слишком громко, видимо злилась:

– Мужчина, если вы тот, за кого себя выдаете, то помогите донести до машины либо девушку, либо сумки.

Он выбрал сумки, помог нам получить остальной багаж и проводил до машины.

...Проснулась окончательно я от звонка в дверь. Я спала в незнакомой комнате, в открытую балконную дверь врвался запах свежего хлеба. Как выяснилось позже, эту квартиру Ольга снимала на время своих визитов в Москву. Она открыла входную дверь и впустила мальчишку, он держал в руках корзину роз.

– Просили передать девушке, которая любит выпить и поплакать.

Она взяла у него цветы и стала их разглядывать.

– Он вчера просил передать тебе номер его телефона, но я не советую тебе звонить. Это может плохо сказаться на твоём психическом здоровье... А розы действительно хороши: на длинных ножках, значит он при деньгах и не жмот.

Она поставила корзину на стол и ушла по своим делам. Рядом на столе лежал скрученный авиабилет, на нем несколько раз были прорисованы цифры – номер телефона. Я понюхала цветы, выбросила бумажку в мусорное ведро и решила прогуляться по Москве. Прогулка затянулась во времени, поскольку я уехала в другой конец города и заблудилась. Вернулась около одиннадцати часов вечера.

– Где ты была? – в ее голосе слышались металлические нотки, мне это сразу напомнило голос моего мужа.

– А что, теперь ты будешь оберегать мою нравственность?

– Я беспокоилась. Ты не знаешь города. У тебя топографический кретинизм. Впрочем, не только топографический...

Она всегда была до неприличия права, это раздражало меня. От усталости и запаха роз кружилась голова. Я влезла под одеяло и закрыла глаза. Ругаться с ней, мне было лень.

На следующий день он повел нас в ресторан, не очень дорогой, но кормили там сытно и вкусно. Он оказался директором института аэрогеодезических исследований и что-то говорил про аэрофотосъемку и полезные ископаемые. Ольга вдруг вся раскраснелась и обрушила на него все свои познания в области геологии. Меня всегда поражала ее осведомленность в разных сферах жизни. Я подумала, что должно быть за это ей и платят так много денег. Он оценил ее познания в области полезных ископаемых, но было заметно, что содержимое моего декольте его интересует больше. Он подвез нас на такси до дома и корректно попрощался.

Весь следующий день я провела в постели. Обложившись стопками женских журналов, пакетиками с миндальными орешками, соками и йогуртами, я лелеяла свое разбитое сердце и пыталась выудить из журнальных статей какие-нибудь практические рекомендации по излечиванию сердечных ран. Ничего дельного я не нашла. Кроме рекламы постельного белья. «Простыни из египетского хлопка излечат Ваши раны». Египетским хлопком была застелена кровать моей подруги. Я быстро перебралась туда со всем своим имуществом. Ольга вернулась домой поздно, уставшая и озлобленная. Видимо, дела ее не клеились.

– Перестань жрать в моей постели! – с порога заорала она.

– Ты ведешь себя точно так же, как мой муж. Разве ты не видишь, что я страдаю?

Она заметно смягчилась, тембр моего голоса действовал на нее успокаивающе:

– Я сказала: «в моей постели». В своей можешь страдать, сколько тебе вздумается, – сказала она и пошла принимать ванну. Я подумала о том, что ее постель для страданий гораздо удобнее и о том, что это только начало. Два однополых существа змеиной породы вряд ли уживутся в одной норе. Об этом мне следовало подумать раньше. Теперь уже ничего не поделаешь.

Она вышла из ванны, уселась в кресло, стала делать себе маникюр и одновременно завела со мной беседу. Как это ни странно, но у нас были не приняты долгие душещипательные беседы, как это обычно бывает у близких подруг.

– Знаешь, Катя, в чем причина всех твоих бед? В том, что ты думаешь, что ты – центр мироздания, и вокруг тебя должно быть все закручено.

– Видимо, центр мироздания – это ты?

– Нет. Я – обычная баба с нереализованным материнским инстинктом, – сказала она, и я тут же пожалела о своих словах. По-своему она всегда любила меня, да и я была к ней привязана.

– Как ты думаешь, в чем разница между ребенком и взрослым? – спросила она назидательным тоном, и тут же сама ответила на свой вопрос, – взрослый человек сам выбирает себе жизнь, а за ребенка это делают другие.

– Ну знаешь, я тоже выбираю. Я всегда выбирала себе мужей, – гордо сказала я. Она так смеялась, что перевернула бутылочку с лаком для ногтей.

– Ты никогда не могла окупить свою собственную жизнь. Ты как собака, можешь любить или не любить лишь того, кто тебя кормит. О каком выборе может идти речь? – говорила она, продолжая смеяться.

– Я выбирала из тех, кто выбирал меня, – сказала я и снова пожалела об этом – она порезала пилочкой палец и кровь закапала ей на халат. Зачем это я? Ведь я знала: ей-то вечно не из кого было выбирать.

– Оля, пожалуйста, прости меня, я не хотела сделать тебе больно, – я пыталась приложить ватный тампон, смоченный в одеколоне, к ее руке. Она швырнула им мне в лицо.

На следующий день нам позвонил Анатолий, так звали нашего знакомого. Он пригасил нас на выставку минералов.

– Ты поезжай сегодня вместо меня. Решись вопрос с поставкой новых шин для «Москвичей», – сказала она.

– Ольга, ты что с ума сошла? Я же там никого не знаю...

– Это не имеет никакого значения. Тебе и не надо никого знать. Они будут гнуть свою линию о предоплате. А ты должна убедить их в том, что мы рассчитаемся по факту доставки. Вот тебе пакет документов нашей фирмы.

– А ты что будешь делать?

– А я пойду на выставку минералов. Ты все равно в этом ничего не смыслишь.

Вечером я вернулась домой как на крыльях. Ольгины дела делались как по маслу. Моей неопытности никто не замечал. А, возможно, им просто легче было уступить мне, чем ей. Во мне они не чувствовали соперника.

– Ольга! Они согласились! Но ведь они рискуют, и к тому же им это не выгодно. Почему они пошли на это?

– Доллар растет. В договоре речь идет об оплате в долларах. А с нами они работают давно, поэтому доверяют. Им это выгодно, Катя. Но в любом случае, ты не так безнадозна, как я думала. Завтра поедешь уточнять условия доставки.

Она пила красное сухое вино и разглядывала свое отражение в зеркале. Мою подругу трудно назвать красавицей, но отшлифованные манеры стервы были ей к лицу. Прямой, с легкой горбинкой, нос. Тонкий извилистый рот. Серые холодные глаза. Иногда они лучились мягким и теплым светом, но это случалось редко. Этот взгляд был предназначен не для широких масс, а для узкого круга. По неясным причинам я входила в число таких счастливицев. Под маской прагматичной суки скрывалась тонкая умная женщина с добрым сердцем.

– Позвони в фирму, осуществляющую железнодорожные перевозки, узнай тарифы. Нам выгоднее действовать через такую контору. Но они будут настаивать на своей доставке. Убеди их согласиться на наши условия. Должна же ты хоть как-то отрабатывать свой хлеб?

В тот вечер я рано легла спать: так устала, что даже забыла спросить ее, как прошла экскурсия на выставку минералов.

Утром я встала в 8 утра, чего не случилось со мной много лет. Мне поразительно везло. Москвичи согласились принять наши условия. И даже пригласили меня на обед. Домой я вернулась раньше, чем предполагалось вначале. Я открыла своим ключом дверь и застыла в замешательстве:

– Зачем она тебе нужна? – говорила моя подруга, – Катя – законченная дура, эгоистичный ребенок... Тебе быстро надоест натирать педагогические мозоли. Ей уже двадцать семь. Она потеряет время и в тридцатник останется ни с чем. Если ты всерьез намерен жениться – женись на мне.

– Но я люблю ее.

– Ты не можешь любить ее, потому что не знаешь. Она – не женщина, и, возможно, даже не совсем человек. Это маленький красивый зверек, который разорвет на части твою душу. И сбежит. А через полгода с трудом вспомнит твое имя. Если, конечно, ты ей вдруг зачем-нибудь понадобишься.

– Я ее чувствую, а о тебе я действительно ничего не знаю.

– Я тебе все расскажу.

– Может быть, я ему расскажу о тебе? – они оба не ожидали моего вторжения, но реагировали по-разному: он – растерялся, а у нее не дрогнул на лице ни один мускул.

– Не утруждай себя, дорогая... А то вспотеешь. Лучше пойдешь, сделай мне бутерброд с салами.

– А ноги тебе не помыть? Ты за глаза поливаешь меня грязью, а я должна делать вид, что ничего не замечаю?

– Что ты называешь грязью? Правду жизни? Тебе мало того, что ты уже сделала с собой и с другими людьми?

Я стояла посреди комнаты, вся растрепанная. Она сидела в кресле, положив ногу на ногу. Атмосфера накалилась до предела. Мы вполне могли бы подраться, такой опыт у нас уже когда-то был. Мужик с интересом следил за нами и в разговор не вмешивался. Мы обе одновременно заметили это и сбавили тон. Разговор плавно перешел в другую плоскость: мы стали вспоминать старые обиды. Он почувствовал себя лишним и ушел.

– Ты сломала мне жизнь! Если бы не ты, я бы сейчас продолжала жить с любимым человеком! – я орала уже полчаса и обвинила ее во всех трагедиях моей жизни. Она спокойно ждала пока мой запал закончится. А потом негромко заговорила:

– Ты ушла от него сама. Это было твое решение. Просто без меня у тебя не было такой возможности. Нечего строить из себя жертву. Это ты наплевала в душу своему мужу. На тебя обратил внимание приличный мужик, а ты этого даже не заметила. А теперь ищешь виноватых.

– Но разве не ты сказала, что мне нужно уходить от Сережки? Разве не ты сказала, что мне не стоит звонить этому Анатолию?

– Но это твоя жизнь и твои мужчины.

– Это не мои мужчины, – сказала я обреченно и сразу сникла. Все мое возмущение разом улеглось.

– Катюшка, о чем мы спорим? Ты лучше послушай, что я придумала. Я хочу рискнуть. Я слишком долго была благоразумной, а тебе этого качества всегда не хватало. Ты только послушай...

Когда мы прощались с ней в аэропорту, то сначала, как обычно, поцеловали друг друга, не касаясь губами щек. Я тогда подумала о том, что этот ритуал сильно напоминает змеиные укусы, отстранилась и протянула ей руку. Руку дружбы. Ее пожатие было коротким и крепким...

Я лечу домой, в свой родной город, где я родилась и выросла. Я не была там долгих три года. Вслед за мной в окне движется солнце, оно красное и похоже на огромный огненный шар. У меня в кармане лежат ключи от Ольгиной квартиры. В портфеле: контракт на поставку шин и таблица, где подсчитана экономия средств на перевозке. В аэропорту меня встретит Ольгин шеф. Я не знаю, как ей удалось объяснить ему причину подмены сотрудницы. Но уверена, что мне придется приложить немало усилий, чтобы оправдать ожидания этих мудрых и нестандартно мыслящих людей: моей подруги и ее шефа. Чем закончится Ольгин роман, заведенный не без моей помощи, неизвестно. Но, по-моему, для нее это и не важно: она впервые в жизни позволила себе отдаться чувствам. А я впервые вырвалась из этой клетки, и теперь буду жить ее жизнью. Наверное, до тех пор, пока не решу, что делать со своей.

Ангел «Си»

Наташа Сукманова спала уже пятые сутки. Ей снилась война и немцы в коричневых касках. Немцы окружали. Она отстреливалась. Кольцо сужалось, и гибель была близка. И вдруг раздался вой сирены, она выскочила из окопа и вдруг оказалась у себя в прихожей. В дверь настойчиво звонили. Она пыталась надеть халат, но не попадала в рукава. Она увидела себя в зеркале и все вспомнила.

Когда от нее ушел Роман Сукманов, она хотела уйти из жизни. Но не смогла. Поэтому она ушла в сон, и спала четверо суток. Время от времени она просыпалась, принимала сновидное и снова засыпала. Роман был целью, смыслом и способом ее существования. Поэтому когда он ушел, она стала проваливаться по всем своим позициям. И в итоге провалилась в сон. А сейчас кто-то настойчиво звонил в дверь, и ей пришлось открыть. На пороге стояла Анжела по прозвищу «Сися». Никаких сисей у нее, похоже, отродясь не было. Но почему-то все ее так называли. Никто не знал, откуда взялась эта Анжела. Но куда не зайди, всегда можно было увидеть ее тонкий силуэт, скользящий между людьми. Она каждого знала лично, и с каждым у нее были какие-то очень личные дела и секреты.

– С кем спишь? – спросила она, и просочилась в дверь, с той грацией, которая обычно присуща всем существам с длинными конечностями, – вот и халат у тебя на левой стороне, значит ты не с Сукмановым. А где он?

– Анжела, он ушел от меня. Ушел к дочке своего начальника. Говорит, она лучше. Наверное, так и есть. Но мне что делать? Я просто умираю, – сказала Наташа, закутываясь в халат.

– Да, ладно. Умирает она. Это я умираю, жрать хочу. У тебя есть что-нибудь поесть? – сказала Сися и заглянула в холодильник. Там ничего не было, кроме банки с протухшей сметаной, – Давай, собирайся, пойдем в «Сан Марино». Там хорошие салаты подают.

В «Сан Марино» было жарко и накурено. Анжела сразу куда-то слилась, виден был лишь ее текущий силуэт, скользящий между столиками поверх табачного дыма. Похоже, она тут всех знает, – подумала Наташа и заказала себе коктейль. На сцене одиноко качался саксофонист. Наташа смотрела на него и плакала. Ей было жаль его, себя, и весь этот неправильный мир, в котором больше нет красивой пары Наташи и Романа Сукмановых.

– Что, запала на саксофониста? – рядом неожиданно материализовалась Сися с бутылкой виски в руках, – Не ной, щас все будет.

Они выпили не чокаясь, и Сися снова куда-то исчезла. У Наташи все стало раскачиваться перед глазами. И она сама тоже стала раскачиваться. Она заметила, что саксофонист раскачивается у нее за спиной, затем, они раскачивались уже вместе на сцене. А через некоторое время она заметила, что официант упаковывает им закуску в одноразовый контейнер, и они с музыкантом плавно перетекают из ресторана в заснеженное такси.

Дома у нее было холодно и грустно. Она смотрела в глаза своему новому знакомому и плохо понимала, что происходит, и как ей вести себя в этой ситуации. Она привела домой незнакомого парня, и теперь ей, по всей видимости, предстояла «ночь любви», к которой она была не готова. За окном слышались какие-то звуки. Ей показалось, что это похоже на похоронный марш.

– Интересно, кого это хоронят в два часа ночи? Не меня ли? – подумала она.

– Это «Лунная соната». Бетховен, – сказал музыкант. Она выглянула в окно, под окнами стоял пьяный Сукманов. Рядом с ним стояли четверо странных людей с музыкальными инструментами. Они чем-то напомнили ей похоронную команду. Обычно такие ребята играют на похоронах, – подумала она. Все они тоже были не трезвы.

– Наташа, прости меня, щас я тебе спою, – орал снизу пьяный Сукманов, а соседи матерились из окон.

– Не надо петь, Рома. Иди домой, – крикнула она.

– Сначала выгони музыканта, – ответил Сукманов и упал в сугроб.

– Откуда ты знаешь про музыканта? Сися сказала? А что еще она тебе сказала? – кричала она ему в окно.

Все остальное произошло так быстро, что она даже не успела отследить, что произошло. Музыкант исчез, Роман появился и она почувствовала его руки, и его запах на своей коже. Все ее тело отозвалось, натянулось как струна, достигло пика и растворилось. Все встало на свои места. Она окончательно проснулась в объятиях своего родного мужа Сукманова.

Через час они с Романом сидели на кухне голые, как бушмены в пустыне Калахари и доедали на двоих один окорочок, заботливо оставленный им случайным гостем. Свет не зажигали, по стенам плыли тени уличных фонарей, складываясь в фантастические картины. Один из силуэтов напомнил ей очертания Анжелы по прозвищу Сися. Нескладный и текучий силуэт скользнул по стене лунным бликом и исчез.

Брачный контракт

Она смотрела на него. Смотрела во все глаза. Как будто впервые за долгие годы наконец увидела его. Увидела по-настоящему. Морщинки в уголках глаз – когда они успели появиться? Его лицо было таким живым, таким теплым. Эти руки, так странно и неловко сжимающие тонкую кофейную чашку... Она вдруг подумала, что все эти годы так любила это лицо, и руки. И тепло, исходящее от этого человека, лишь ему одному присущее, способное за доли секунды поставить все на свои места, вынуть ее – Анну из хаоса мыслей и поступков, вернуть самой себе. Он говорил, не глядя на нее, опасаясь иронии, которая почти всегда таилась на дне ее глаз.

– Откуда я мог знать, что ты хочешь за меня замуж? Да, за пять лет ты дважды что-то готовила, один раз это было мясо по-французски, а второй – какое-то сложное узбекское блюдо. Ты готовила его несколько часов и несколько дней готовилась к его приготовлению. А все остальное время ты учила меня есть смесь из четырех злаков с добавлением расторопши. Я ничего не имею против расторопши, но откуда я мог знать, что ты хочешь замуж? Я помню, однажды ты напилась и шесть часов подряд говорила об экзистенциальном одиночестве. Ты даже что-то зачитывала из Сартра и Камю. Ты пила красное сухое вино и ела миндальные орешки. Потом скорлупки ты выбросила в стиральную машину, а мои носки убрала в холодильник. Или наоборот, я уже не помню. Но помню, что я опоздал на стрелку и у меня сорвался из-за этого крупный контракт. Я не мог, черт возьми, идти на эту встречу без носков... Ты всегда говорила, что тебе от меня ничего не нужно. Но на самом деле ты хотела очень много. Ты хотела, чтобы я отменял важные встречи ради свиданий с тобой. Когда я женился, ты благословила мой брак, но вынудила меня провести с тобой мой медовый месяц. Ты ничего не имела против других женщин, но как только я пытался завязать с кем-то серьезные отношения, я вдруг становился тебе нужен: ты срочно заболела или впадала в депрессию и я был нужен тебе в качестве утешителя...

– ... Это самый длинный монолог, который я когда-либо слышала от тебя... Василий – ты великолепен! Я говорила с тобой пять лет, но никогда не замечала ответной реакции. Ты молчал, как Будда под деревом Бодхи. И ты был прекрасен! Но теперь, когда ты начал говорить, ты нравишься мне еще больше.

Он не смеялся. Его перестали веселить ее шутки. Со свистом он допил остатки кофе, поперхнулся гущей, встал и вышел так стремительно, что она едва не упустила его. Прильнув к нему вся целиком, всем телом, заставила посмотреть ей в глаза. Она смотрела всерьез: в ее взгляде не было ни страстного желания, ни упоения, так свойственного первой поре их любви. В этом взгляде не было усталой нежности – почти материнской, так все чаще она смотрела на него в последнее время. Этот усталый и кроткий взгляд злил его больше, чем откровенная холодность. А сейчас они впервые в жизни смотрели друг на друга всерьез – холодно, бесстрастно, изучающе. Так смотрят друг на друга оппоненты в зале судебных заседаний.

Они были из разных миров, существующих параллельно и редко пересекающихся. Вся его система ценностей – его дело, его деньги, его партнеры – сам уклад жизни людей его круга, такой заманчивый для сотен вылощенных и на все готовых женщин, для нее не имел никакой ценности. Она не презирала его жизнь и его игрушки. Это делало его в ее глазах – мужчиной, желанным, настоящим. Таким непохожим на художников, поэтов, музыкантов – мотыльков, легко порхающих над костром жизни. По большей части ничего не имеющих, не тяготящихся своим не-имуществом. Но от этого всегда зависимых, всегда готовых услужить любому, кто оплатит обед, купит выпивку.

Страсть – яркая птица, причинившая ей за все эти годы столько боли, тайных мучительных сомнений, и безудержного счастья, близилась к закату. В последние месяцы она внимательно замечала все мелкие приметы начала конца. Его кобелиные, почти животные повадки,

врожденное хамство, теперь уже отполированное, ставшее имиджем, но вполне природное и естественное – все то, что поначалу так смешило ее, будоражило чувственность, теперь раздражало, казалось неуместным, пошлым. Именно теперь, а не тогда – во времена их многочисленных ссор и примирений, они оказались на грани разрыва. И эти последние вспышки, которые всегда предшествуют догоранию, были еще одним доказательством. Все кончено, – эта мысль не причиняла ей боли, не отзывалась сосущей тоской где-то в области предребья, как раньше. Она спокойно принимала ее, как принимают сумерки после яркого дня. Какая-то часть ее, которая всегда оставалась независимой, все эти годы наблюдала со стороны, как легкое мимолетное увлечение перерастает в тяжелую мучительную страсть. Эта часть ее – Анны всегда знала, что конец неизбежен, и сейчас с благодарностью и облегчением она отпускала его.

И в тот самый момент, когда она любезно и витиевато пыталась дать ему уйти, не рана его самолюбие, что-то новое поднялось с самого дна души и затопило ее всю. Что-то, не имеющее названия даже для нее, знавшей столько красивых, но совершенно бесполезных теперь, слов. Она поняла, что не он – виновник ее охлаждения. «Я просто устала от любви. Оказывается и от любви можно устать». А он – ее вечный мучитель и палач, (так она привыкла думать о нем за все эти годы), ни в чем не виноват. Любовь изменила их обоих, освободила от суетности, очистила мысли и глаза. Ей больше не хотелось ничего неизъяснимого, невозможного – той грани, за которой души могли бы слиться в одно. Она подумала, что гораздо важнее суметь принять другого человека – принять целиком со всеми его темными и светлыми сторонами, без оговорок и без условий. Позволить ему быть другим – не похожим на тебя. И любить в нем эту непохожесть. Как мать, которая сильнее любит некрасивого ребенка.

Она все и всегда пыталась понять, придать словесную форму мыслям и явлениям. Он в этом не нуждался, но был куда мудрее в жизни и в чувствах. За все эти годы он научился понимать ее, понимать, что ей нужны слова.

– Анна, пойми, когда любишь достаточно сильно, можно отказаться от всех своих понятий. В детстве я прочел лишь одну книгу – «Витя Малеев в школе и дома», меня училка заставила в третьем классе. С тех пор, кроме документов, я ничего не держал в руках. Ради тебя я прочел все твои книжки. Все, что там написано – хр..нь собачья. Жизнь не такая, как они пишут: не такая красивая... Но она намного интереснее. А ты начитаешься – и катаешь вату в своей голове. Не катай вату, просто живи – смотри глазами, трогай руками... Все, что ты говоришь – красиво, но мне это по-х...ру. Мне нравится, как бьется жилка на твоей шее после любви. Как дрожат твои ресницы, когда ты обижаешься. Я не могу разделить с тобой твое ср..ное экзистенциальное одиночество, но я набью рожу любому, кто обидит тебя. Я люблю тебя так сильно, что у меня что-то делается с глазами. Когда я гляжу на тебя – мне слепит глаза... Зачем ты всегда все усложняешь?

– Потому что я другая.

– Пожалуйста, будь другой. Но будь здесь, рассказывай мне свои сказки, зажигай свои свечи, напивайся, но будь моей. Моей... моей...

– Я всегда была твоей.

– Ой-ли...

Пять лет ревности и терзаний – в одном лишь слове. Даже не слове – междометии... Но она поняла только сейчас. Поняла, что мужская и женская ревность – разные вещи. Что борьба была неравной. Его неудачные помолвки и женитьбы были лишь комариными укусами, в сравнении с нокаутами от ее лирических отступлений. Она заплакала и отвернулась.

– Прости меня, пожалуйста. Я не знала, что делаю...

– Я не об этом... Я хотел сказать – будь моей... женой.

– Вася, ты что с ума сошел? Зачем же так... сразу? И потом – я не люблю твоих друзей.

– Слава богу, что ты не успела никого из них полюбить. Их не надо любить, Аня. И не надо им ничего пояснять про Ницше и Вейнингера, про их понятия в отношении баб. Они воспримут это буквально – как руководство к действию.

– А как же разница в нашем материальном положении? Я – бедна, как церковная крыса. Мы должны составить брачный контракт. Ведь в случае развода все имущество бывшие супруги делят пополам.

– Ты хочешь поделить мое имущество?

– Знаешь что, мой дорогой, нам еще очень многое придется делить, если мы будем вместе. А если решим расстаться, нам придется делить детей и собак. У нас обязательно будут дети и собаки.

– Ты говорила что-то о собаках. Что-то об ушах спаниеля, в качестве метафоры. На что ты претендуешь, Анна? Скажи честно.

– Мы поменяем мою однокомнатную квартиру на трехкомнатную в центре. В районе центрального парка. Там рядом есть английская школа. Детям нужен английский, а собакам – парк. При разводе ты оставишь мне детей и собак, эту квартиру, и твой старенький «морковник», на котором я сейчас езжу.

Она говорила об этом так складно, как будто, только об этом и думала. На самом деле все эти мысли пришли ей в голову только сейчас. Никаких матримониальных планов у нее никогда не было, ей нравилось так, как есть: розы-слезы, встречи-расставания. Для брака она считала себя слишком молодой, а его – слишком неподходящим человеком. Она так боялась потерять свою индивидуальность, раствориться в этом человеке, подчиниться его воле. И просто ждала, пока наваждение пройдет. «Когда годами пытаешься понять другое существо, невольно становишься на него похожим». Видимо он был удивлен еще больше, чем она сама.

– Все это ты предлагаешь внести в брачный контракт?

– Ты сделаешь это, Василий. А в контракте мы напишем, что все останется тебе.

– Мне тебя жаль. Сейчас ты могла бы попросить все, что хочешь. Но ты всегда была дурой, Аня. Вот возьми – это дарственная на дом, вот ключи от «Шевроле», я записал на тебя. Вот учредительные документы на издательство. Помнишь того козла, который обманул тебя, когда вышла твоя книга? Теперь ты – хозяйка этого издательства, а он – твой клерк. Можешь его уволить. Теперь ты – обеспеченная женщина. Посоветуйся с юристами, реши, будешь ли ты вести свои дела сама или тебе нужен коммерческий директор.

– Так значит, ты уже все решил за меня! Мне не нужно все это. Ты же знаешь, что мне это, действительно, не нужно! Это будет обременять меня. Вася, я не хочу жить в твоём мире!

– Но тебе придется. Хотя бы, отчасти. Ведь я уже живу – в твоём. Разве пять лет назад я мог подумать, что буду устраивать выставки каким-то педикам и платить за издательство стихов твоих подруг-алкоголичек?

– Не смей так говорить о моих друзьях. И вообще, не говори мне, что делать!

– А что тут говорить? Я делаю это. Для тебя. А тебе бы только языком чесать...

Ей не нравилась сказка про Золушку. Она была знакома со многими прирожденными золушками, которые меняют крошечную квартирку своих родителей на роскошный особняк лишь за тем, чтобы добавить себе домашней работы. Ей больше нравилось думать о себе, как о спящей красавице – красавице, благополучно спящей с семьёю богатырями. Она была намерена спать до тех пор, пока однажды не придет умный и красивый человек, который сможет ее разбудить. И вместе они бы построили уютный и теплый дом с книгами, старыми пластинками и цветочными занавесками. Но жизнь предлагала ей другой сценарий. И теперь она окончательно поняла, что ей и вправду – придется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.